

Михаил Николаев

БАЛТИЙСКИЙ ФАКТОР

Ленинград
издательский дом
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Н63

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 287

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Николаев, Михаил

Н63 Балтийский фактор : роман / Михаил Николаев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2025. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-180692-7

История доказала, что полковник Российского Генштаба, являющийся Георгиевским кавалером и прошедший к этому моменту через горнила трех империалистических и одной гражданской войны, не смог долго противостоять согласованным действиям трех вражеских генералов.

А что произошло бы в случае заблаговременной ликвидации им одного из этих трех вражеских военачальников? Ведь двое на одного — это уже совсем другой коленкор! И тогда география, а следом и история Советского Союза могли бы существенно измениться. В нашем мире Балтийский фактор так и не был реализован, а в параллельном, ответвившемся в феврале 1918 года, заработал в полную силу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Михаил Николаев, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025
ISBN 978-5-17-180692-7

Делай, что должно, — и будь что будет!

Марк Аврелий

Авторское предисловие

Считается, что история не имеет сослагательного наклонения. Или не знает? Есть даже вариант, что она не знает слова «если». Применительно к нашей уже свершившейся истории это правильно.

А еще говорят, что в России прошлое непредсказуемо. И это тоже верно. Историю нашей страны уже много раз переписывали, не оставляя камня на камне от, казалось бы, незабываемых и общеизвестных фактов. Подозреваю, что и в будущем этот процесс будет продолжаться. Историю пишут победители, а решают, что именно и в каком ключе надо подать, правители, как бы они ни назывались.

Вот только это все касается исключительно официальной истории. И совершенно не распространяется на альтернативную, для которой вопрос: «А что произойдет, если (нужное подставить)?» — является ключевым. Без этого вопроса ее просто не существовало бы.

Ответов может быть два. Ход истории — весьма инертная система, которую трудно вывести из равновесия. Поэтому, как правило, принципиально в мире ничего не изменится. Место убитого

исторического деятеля займет другой, более раннее изобретение долго окажется невостребованным, пророчеству не поверят. В редких случаях на пути исторического процесса возможны развилки, так называемые точки бифуркации. В этих точках система находится в неустойчивом состоянии, она как бы колеблется перед выбором того или иного пути дальнейшей эволюции. И тут иногда для того, чтобы поток изменил направление и покатился по другому руслу, достаточно ничтожного воздействия.

При работе над этой книгой автор использовал несколько таких моментов, когда ситуация была предельно неустойчивой, и дальнейшее ее развитие зависело от сиюминутных решений отдельных людей. Не случайных людей, разумеется, а тех, кто к этому моменту уже зарекомендовал себя в качестве неординарных личностей и имеющих реальную возможность успешно завершить начатое.

Кроме этого, в истории имеется много лагун. Неких пробелов, вообще не описанных в официальных документах. В частности, к ним относятся возможные встречи тет-а-тет и разговоры, никогда не афишировавшиеся их участниками. Эти встречи с примерно равной степенью вероятности могли происходить или не происходить в реальности. При этом дальнейшие события косвенно свидетельствуют в пользу того, что, скорее всего, это общение все-таки состоялось. Возможно, иначе, в другом формате и в другие временные промежутки. Эти лагуны автор также заполнил по своему разумению.

Начало повествования относится к периоду, когда в нашей стране осуществлялся переход с юлианского календаря на григорианский. Для

упрощения восприятия текста даты событий, происходивших до 31 января 1918 года (включительно), приведены по старому стилю, а всех последующих — по новому стилю.

Глава I АПРЕЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ

(Почти за одиннадцать месяцев до дня «Д»)

*Генерального штаба подполковник Михаил
Степанович Свечников, начальник штаба
106-й дивизии*

В 1917 году Пасха пришлась на второе апреля. Все поздравительные телеграммы я отправил еще накануне, поэтому был в этот день совершенно свободен. На понедельник и вторник также не было запланировано никаких мероприятий, в которых мне требовалось принимать участие, поэтому я испросил у генерала Станкевича разрешения на поездку с неофициальной инспекцией гарнизонов 423-го полка нашей дивизии, расположенных вдоль побережья Ботнического залива, в Улеборге и Николайштадте, пообещав управиться за два, максимум три дня. К этому времени февральские волнения уже сошли на нет, и движение поездов возобновилось в полном объеме, поэтому Адам Юрьевич выезд разрешил, порекомендовав заодно посетить Торнео для проведения рекогносцировки и налаживания контактов с пограничниками.

Выехав из Таммерфорса первым утренним поездом, я направился в Торнео, здраво рассудив, что начинать инспекцию имеет смысл с наиболее дальней точки маршрута. Памятуя о недавних

событиях в Гельсингфорсе, когда матросами было убито несколько десятков офицеров, дополнительно к нагану в кобуре на всякий случай положил в карман шинели еще один.

Поезд неторопливо тащился по невысокой насыпи сквозь заснеженный лес, слегка постукивая колесными парами на стыках. Старые вагоны третьего класса, заполненные едва ли на четверть, поскрипывали и убаюкивающе покачивались из стороны в сторону. Пристроившиеся на жестких скамьях пассажиры в большинстве своем дремали, укутавшись в длиннополые пальто либо солдатские шинели, нахлобучив поглубже шапки и обмотавшись шарфами или платками. Некоторые читали газеты.

Оживление наступало только на станциях: одни тащили к выходу узлы, солдатские сидоры и чемоданы, другие, которым предстояло ехать дальше, проталкивались к выходу с котелками и чайниками, чтобы запастись кипятком. Потом на некоторое время вагон превращался в какое-то подобие харчевни. Путники поглощали взятые в дорогу продукты, чаевничали, согревая руки о кружки, вяло переговаривались. И опять все затихало до следующей станции.

Я прочитал все захваченные с собой газеты и коротал время, поглядывая в окно и вспоминая события двухлетней давности, когда немцы, отчаявшись выбить нас из Осовецкой крепости, подвели тяжелую осадную артиллерию и принялись методично разрушать укрепления снарядами шестнадцатисполовинойдюймовых и двенадцатидюймовых орудий.

Шестидесятипудовые снаряды шестнадцати с половиной дюймовых мортир (диаметр 420 мм)

падали на Центральный форт крепости с ужасным грохотом, разрушая деревянные и кирпичные постройки, раскалывая бетонные сооружения, сметая до основания блиндажи и вызывая огромные оползни земляных валов. Воронки превышали пять саженей по окружности и достигали трех саженей в глубину. В некоторых случаях для восстановления сообщения по дорогам крепости приходилось перекидывать через них временные мосты.

Тогда мне, прошедшему к этому времени две войны, казалось, что ничего более жуткого, чем бомбардировка этими монструозными снарядами, придумать уже невозможно. Спустя пять месяцев, в четыре часа утра 24 июля, я убедился, что есть вещи и пострашнее.

Зеленоватое облако ядовитого газа, выпущенного немцами из нескольких тысяч баллонов, быстро надвигалось на наши позиции сплошным фронтом высотой в пять-шесть саженей. А вслед за ним, отступив на безопасное расстояние, шли в атаку двенадцать батальонов одиннадцатой ландверной дивизии.

Первыми погибли разведывательные партии и секреты. Потом была смертельно отравлена большая часть защитников Сосненской позиции. Оказалось, что выданные нам респираторы и противогазовые повязки очень малоэффективны, так как придерживать их в бою таким образом, чтобы они плотно прилегли к лицу, крайне затруднительно.

Прорезав десять проходов в проволочных заграждениях, немцы хлынули на наши позиции. Страшный заградительный огонь нашей артиллерии сумел рассеять большую их часть, поэтому на Сосновскую позицию вышел только восемнадцатый ландверный полк.

Начальник второго отдела обороны нашей крепости полковник Катаев контратаковал немцев наличными силами Землянского полка (восьмой, тринадцатой и четырнадцатой ротами). Контратакой тринадцатой роты, составлявшей гарнизон Заречного форта, руководили подпоручик Котлинский и вызвавшийся охотником саперный офицер подпоручик Стржеминский. Отравленные газом солдаты пошли в штыковую атаку и выбили немцев с позиции. Смертельно раненый подпоручик Котлинский передал командование ротой подпоручику Стремиженскому, остававшемуся в строю, несмотря на сильное отравление газами.

На левом фланге подпоручик Чеглоков контратаковал немцев во главе четырнадцатой роты и выбил их штыками из окопов у деревни Сосня. На соседнем участке действовали бойцы восьмой роты.

Занявшие Сосновскую позицию немцы пребывали в полной уверенности, что теперь неминуемо падет и вся крепость, так как газ отравил большую часть ее защитников. И когда их молча взяли в штыки какие-то шатающиеся, практически мертвые солдаты с посеревшими лицами, кое-как обмотанными окровавленными повязками, немцы в ужасе побежали.

Осовецкая крепость сдерживала натиск немцев в течение шести с половиной месяцев. Несмотря на контузию и отравление газами, я все это время безотрывно выполнял обязанности начальника ее штаба, периодически участвуя в планировании и проведении вылазок. Гарнизон организованно покинул крепость, вывезя всю артиллерию и взорвав уцелевшие укрепления только после того, как фронт отошел и отпала необходимость в дальней-

шем удержании стратегически важного участка обороны.

Потом было награждение орденом Святого Георгия четвертой степени и Георгиевским оружием, строевой смотр Георгиевских кавалеров, на котором Николай Второй лично пожаловал меня подполковником по Генеральному штабу.

И вот теперь фронт где-то далеко, вокруг сонное царство — никто никуда не торопится, не спешит, и нет никому дела, что царь отрекся от престола, в Петрограде заседает какое-то мутное правительство, немцы жмут, армия отступает, и, возможно, война придет сюда.

Я с трудом мог себе представить, что уже через год сюда придут немцы. И мне придется так же, как тогда в Осовецкой крепости, снова встать на их пути.

За размышлениями и воспоминаниями время пролетело незаметно, и вскоре я вместе с другими немногочисленными пассажирами вышел на перрон станции Торнео. Сориентировавшись на местности, я провел короткую рекогносцировку и направился в казарменный городок первого пограничного конного дивизиона. Полковника Карпенко в расположении не застал — воскресенье все-таки, зато обнаружил ротмистра Герасименко, начальника пограничного пункта Торнео. Познакомились и сразу нашли общий язык. Оказалось, что мы с Александром Ивановичем не только погодки (родились в 1881 году, он в июне, а я в сентябре), но и оба получили назначение в Великое княжество Финляндское в январе этого года. Так что поговорить нам было о чем.

В частности, Герасименко рассказал об изменениях, произошедших в Торнео буквально в последние

недели, когда ротмистра приказом командира дивизии генерал-майора Игнатьева обязали принять у отзываемого в Петроград жандармского офицера командование пропускным пунктом и организовать пропуск за границу и из-за границы. Оказывая при этом всемерное содействие представителю английской миссии лейтенанту великобританского флота Маклярену, который будет наблюдать за порядком и охраной грузов. Вот только наблюдениями англичане не ограничились, периодически проводя на пропускном пункте форменные обыски въезжающих и выезжающих. Держась при этом с характерным для этой нации высокомерием.

Я поинтересовался:

— А много ли народу въезжает сейчас в Россию?

— По-разному, сегодня, например, въехало 32 человека. Мне телеграфировали из Петербурга о необходимости обеспечения их отправки в отдельном вагоне в сопровождении караула.

Я тогда не придавал значения этому разговору, но, придя на вокзал, увидел большую толпу, собравшуюся на платформе для импровизированного митинга. Проталкиваясь сквозь нее к своему вагону, я остановился, чтобы послушать, о чем идет речь. Невысокий интеллигентного вида мужчина в длиннополом пальто воодушевленно вещал с подножки вагона о необходимости скорейшего завершения войны, передачи всей власти Советам, национализации земли и средств производства. Слушали его, буквально раскрыв рты. И оно того стоило. Харизма у оратора была мощная, говорил он уверенно и весьма убедительно. Я тоже заслушался. Худощавый мужчина, с которым мы недавно пересекались на одном из митингов, сто-

явший чуть наособицу, переводил его речь на финский для тех, кто не знал русского языка. Когда агитатору начали задавать вопросы, я протиснулся поближе и спросил, на каких условиях, по его мнению, можно будет остановить войну. Он ответил, что нужно категорически отказаться от поддержки Временного правительства в войне против Германии и заключить с немцами мир без аннексий и контрибуций.

Потом, устроившись в своем вагоне, я спросил у подсевшего ко мне финского социал-демократа, только что подвизавшегося в качестве переводчика, о том, кто этот мужчина с бородкой клинышком, выступление которого мы сейчас слушали.

— Это Ленин, член ЦК партии большевиков. Один из самых известных деятелей революционного движения. Он сегодня вернулся в Россию из вынужденной эмиграции. Это для встречи с ним мы приезжали из Гельсингфорса.

— Первый раз слышу о таком человеке.

— Вы, видимо, не большевик?

— Да, я пока не определился с партийной принадлежностью.

— Пора определяться. Вы ведь, если мне память не изменяет, из 106-й дивизии? У вас там в комитете вроде бы большевики верховодят?

— Только в 423-м полку. В остальных полках и Дивизионном совете — эсеры. Разрешите представиться: Свечников Михаил Степанович, начальник штаба 106-й дивизии, член Дивизионного комитета.

— Куусинен Отто Вильгельмович, — ответил мой собеседник, приподнимая шляпу.

— Вы хорошо говорите по-русски, жили в России?

— Нет, русский язык я изучал в Гельсингфорском университете как иностранный и потом имел не слишком большую практику.

— И при этом говорите почти без акцента. Отто Вильгельмович, вы мне не поможете? Я в Великом княжестве Финляндском недавно и финского языка почти совсем не знаю. А он мне нужен для работы. Не подучите меня немного?

— С удовольствием! Вы какими языками владеете?

— Только французским и немецким. В академии изучал.

— Это хорошо, третий иностранный обычно намного легче дается.

Несколько часов, которые мы ехали до Улеаборга, пролетели незаметно. Оказалось, что у нас с Отто много общего: родились в один год, рано потеряли отцов, поднялись с самых низов на весьма приличный уровень (Куусинен дважды избирался в Сейм), получили блестящее образование (я учился в академии только на весьма хорошо и отлично, поэтому закончил ее по первому разряду и был оставлен на дополнительный курс).

Мы быстро перешли на «ты», а потом постепенно на финский. Выучить язык за эти несколько часов я, конечно, не смог, но понимать смысл фраз научился. И даже мог с грехом пополам объясниться. По крайней мере, финны на платформе Улеаборга меня поняли и показали, как пройти в расположение 423-го полка.

Тогда я не придавал большого значения этим встречам и почти никому о них не рассказывал. Между тем, они кардинально изменили всю мою дальнейшую жизнь.

В этот день произошло еще одно событие — Временным правительством я был произведен в полковники. Но узнал я об этом только через два дня, когда вернулся в Таммерфорс.

Из Улеаборга я выехал в Николайштадт, где имел продолжительную беседу с прапорщиком Юшкевичем — большевиком, возглавлявшим полковой комитет 423-го полка. Ему я сообщил о приезде в Россию Ленина и попросил рассказать мне о нем и РСДРП, совместив это, чтобы никого не смущать, с рекогносцировкой в городе и его окрестностях.

Николайштадт был немаленьким городом, поэтому Юшкевич предложил осуществить конную рекогносцировку. Уточнив перед этим, хорошо ли я держусь в седле. Тут я его слегка осадил:

— Получше некоторых, прапорщик. Я ведь станичник с Дона. Поэтому в седле с самого детства. И после Николаевского училища долго служил в казачьих войсках. Начиная с хорунжего и заканчивая подьесаулом. Потом, после академии, еще год командовал сотней в первом Донском казачьем полку.

— Впечатляюще. Тогда мы с вами, пожалуй, и по окрестностям прокатимся.

В общем, посмотрели все запланированное и немного сверх этого, так что в городе и его окрестностях я теперь хорошо ориентировался, что в дальнейшем мне очень сильно пригодилось.

Юшкевич пожаловался, что местная молодежь из зажиточных землевладельцев начала объединяться в отряды шюцкора — военизированной организации, на словах считающейся спортивным обществом. Фактически же это были прямые наследники разогнанного в 1906 году «Союза